

УДК 316.74:001(045)

**В.Ю. Рубцова****МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ПРОШЛОГО РОССИИ: ПОЛУЧАЕМ ЛИ МЫ НОВЫЕ ДАННЫЕ?**

Описан опыт использования метода ментальных карт в *memory studies*. Показаны возможности и ограничения визуальных методов для изучения коллективной памяти. Изложены результаты исследования представлений жителей России о прошлом, полученные с помощью метода ментальных карт и полужформализованного интервью. Рисунки «прошлого России» сгруппированы по сюжетам, описаны как категории «протяженности» и «длительности» А. Бергсона. Рассмотрены механизмы потери и сохранения качества памяти, выделенные А. Ассман. Описана новизна визуальных данных в сравнении с поисковыми запросами в Яндекс, Google, DuckDuckGo и картинками, полученными по запросу «прошлое России» для нейросети Midjourney. Проведено сравнение «мест памяти и забвения» в визуальных данных информантов, поисковых систем и нейросети Midjourney. Описано соответствие между механизмами потери качества памяти и вариантами пересечения различных типов визуальных данных. Обозначены риски потери качества памяти и сопутствующего ей недовольства мемориальной культурой. Выделены стратегии сохранения качества памяти на примере полученных сюжетов прошлого России.

*Ключевые слова:* визуальные методы, нейросети, культура памяти, прошлое России, места памяти, ментальные карты, коллективная память.

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-4-459-466

**Ссылка на статью:**

Рубцова В.Ю. Ментальные карты прошлого России: получаем ли мы новые данные? // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 4. С. 459–466. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-4-459-466>

**Введение**

Прошлое, в отличие от истории, – субъективно. Там, где история опирается на данные, полученные на основе документов и материальных объектов, прошлое выстраивается по памяти того, кто о нем говорит. Интерес представляют не конкретные даты и события, а сложившиеся в сознании людей образы. Метод ментальных карт используется преимущественно для исследований в рамках социологии города, и с его помощью возможно получение некоего обобщенного образа города, отраженного в рисунках местности информантов. Данный метод имеет собственные критерии соответствия и широкую практику применения. Однако словосочетание «ментальные карты прошлого» нельзя назвать устоявшимся. Для *memory studies* традиционно обращение к таким методам, как интервью, фокус-группы, анализ нарративов, дискурс-анализ, визуальный анализ, а также некоторым другим методам и их комбинациям. Поэтому результат метода ментальных карт для данной области исследований – это определенно новый тип данных. И тогда вопрос «получаем ли мы новые данные?» остается неочевидным в двух аспектах. Во-первых, это новизна визуального материала, полученного в ходе интервью с информантами, в контексте других доступных визуальных данных на тему прошлого России. Во-вторых, это необходимость самого обращения к визуальности, отсутствие повторения с данными, полученными другими методами *memory studies*.

**Теоретические основания**

Новизна визуального материала ментальных карт может быть рассмотрена не только в контексте возможностей и ограничений метода, но и самого значения «новых», «повторяющихся» и «отсутствующих» данных о прошлом России. А. Ассман выделяет механизмы потери качества памяти, в числе которых – «холостой ход» и «стереотипизация» [1, с. 268–270]. Новые данные, полученные в рамках данного исследования, будут косвенно указывать на сохранение качества памяти, а повторяющиеся уже существующие визуальные данные – на риски потери ее качества, связанные со стереотипизацией. Это механизм потери качества памяти, который А. Ассман также называет упрочением или омертвлением, когда накопительная память не обновляется при взаимодействии с актуальным настоя-

щим. Также интерес представляют «отсутствующие» данные – те, которые содержатся в существующих визуальных данных, но отсутствуют в ментальных картах информантов. Они указывают на риски «холостого хода», когда происходит чрезмерная эксплуатация каких-либо событий, приводящая к выхолащиванию памяти. Таким образом, «новые данные» выступают индикатором качества памяти, непрерывной работы с прошлым России.

Также данные ментальных карт информантов можно трактовать как результат гражданского обращения с памятью, организованного в ходе исследования, и частный случай мемориальной культуры. Вельцер упоминает выхолащивание памяти в контексте недовольства мемориальной культурой [2, с. 74]. Это недовольство культурой, которая замыкается на себе и не обогащается, иными словами, это недовольство потерей качества памяти. Ментальные карты прошлого позволяют определить, с какими сюжетами прошлого России это происходит.

Для интерпретации результатов эмпирического исследования важно ввести разделение между историей и коллективной памятью, которое отмечает еще М. Хальбвакс [3], называя первую – картиной изменений, а вторую – картиной сходств. Интерес данного исследования представляет коллективная память и сопутствующие ей формирование и сохранение идентичности. Внимание уделено не конкретным событиям в истории России, выбранным информантами, а повторяющимся из рисунка в рисунок образам, которые ассоциируются с прошлым, или выражаются в присущих «настоящей» памяти социальных практиках в терминологии П. Нора [4, с. 17–50]. Фокус смещается с «практик не забывать о...» в рамках культуры памяти П. Рикера к культуре повторения [5, с. 102], к прошлому, которое не перестает быть в настоящем [6, с. 251].

## Метод

Визуальный анализ, существующий в традиции *memory studies*, предполагает изучение материальных источников – фотографий, фильмов, памятников, монументов и др. Визуальность метода, в свою очередь, предполагает работу с изображениями, которые или созданы самим исследователем в процессе работы, или созданы другими и изучены исследователем [7, с. 45]. Все изображения, полученные в ходе данного исследования, соответствуют второму виду визуальных данных. Некоторые из них созданы до полевого этапа исследования (Яндекс, Google, DuckDuckGo), другие – получены в его процессе (Midjourney, информанты).

Обращение к визуальности позволяет зафиксировать образ до его описания с помощью языка, предположительно смещая фокус информанта с дат в истории к социальным практикам, так как не требует «мгновенного описания своих взглядов в вербальной форме», которое, по мнению Д. Гаунтлетт и П. Хольцварт [8, с. 83], отрицательно влияет на качество получаемой информации. Создание информантами изображений предполагает получение новых данных, что отвечает цели данного исследования. А. В. Стрельникова отмечает, что визуальная социология подходит для изучения смыслов и социальных процессов. Исследователь обращает внимание на создание новых образов, сопутствующее данному методу [5, с. 250].

Наиболее близким методом, связанным с созданием изображений, являются ментальные карты, которые используются исследователями в рамках социологии города. Ментальные карты города презентуют «опыт города информантов» через «целевые документы», созданные в процессе исследования. По аналогии, ментальные карты прошлого обращаются к опыту прошлого, присутствующего в настоящем информанта. Границы метода ментальных карт Н.В. Веселкова определяет следующими критериями: центральность визуального, местность как объект визуализации, создатель ментальной карты – информант, ментальные карты создаются специально для исследования [1, с. 7-12]. Так называемые ментальные карты прошлого отвечают каждому из этих критериев. Неоднозначным может показаться отнесение «прошлого» к категории «местности», так как образы прошлого могут содержать символы, исторических деятелей и др. Однако в рамках *memory studies* существует понятие «места памяти», введенное П. Нора, которое включает в себя не только географические точки, но и людей, события и др. В данном случае объектом визуализации будут места памяти. Исследователи М.В. Берендеев и Т.В. Белецкая также отмечают связь метода выявления «мест памяти» с «ментальными картами» [3, с. 9].

О.В. Естрина выделяет следующее ограничение метода ментальных карт: «полученная карта отображает меньше, чем знает или представляет информант» [2, с. 46]. Принимая во внимание это ограничение, визуальные данные, полученные от информантов в эмпирическом исследовании, до-

полняются полуформализованными интервью. Подобный опыт использования визуального метода для определения образа будущего россиян описан в исследовании «Нарисованная собой Россия», где информантам предлагалось нарисовать Россию настоящего и будущего. Исследование проводилось в формате фокус-групп в разных городах России [11]. Сложившаяся практика позволяет исследовать образы прошлого России аналогичным образом.

Опыт типологизации изображений, сгенерированных нейросетью midjourney, уже присутствует в исследовательском поле и описан в статье «Образы родины, сгенерированные нейросетью» авторов Бондаренко В.Г. и Ивановой А.П. Это типологизация уже готовых сгенерированных изображений. Они создавались не авторами в процессе исследования, а были получены как вторичные данные [14]. Соответственно, невозможно оценить, насколько полученная типологизация – результат анализа исследователей, а насколько – следствие формулировки запроса для midjourney. В настоящем исследовании визуальные данные получены в ходе самого исследования, текст запроса состоял из словосочетания «прошлое России», без уточнений и дополнений по стилю и содержанию рисунка. Таким образом, минимизирован риск влияния запроса на последующую типологизацию рисунков. Нейросеть Midjourney открывает иной способ работы с архивом образов, нежели это было возможно с визуальными результатами запросов в поисковых системах. Это случайные изображения, полученные на основе вторичных данных, а не собственно вторичные данные.

В общую выборку исследования вошло 100 изображений прошлого России, из них получено от информантов – 20 (М=8, Ж=12). Задание для информантов было сформулировано следующим образом: «Пожалуйста, нарисуйте прошлое России так, как Вы себе его представляете. Рисунок может затрагивать любой временной период. Вы можете изобразить один или несколько сюжетов». В дополнение к рисунку информантам предлагалось рассказать о том, что они нарисовали. Уточняющие вопросы касались «самоцензуры» – был ли изображен первый возникший образ прошлого или же информант предпочел нарисовать что-то другое. Также уточнялось, с чем был связан выбор другого образа – личными убеждениями, навыками рисования или другими причинами. Таким образом, информация, представленная в интервью, позволяет получить более точные представления об идеях информантов, тем самым дополняя визуальные данные рисунков. В исследовании участвовали жители России от 18 до 60 лет, проживающие в разных городах страны, представители разных профессий. Формирование выборки выполнялось до момента, пока объем получаемых новых данных в рамках «культуры повторения» по П. Рикеру или категории «длительности» А. Бергсона не стал настолько мал, что дальнейшее увеличение количества информантов стало бы нецелесообразным.

Поисковый запрос для Яндекс, Google, DuckDuckGo и Midjourney был сформулирован как «прошлое России». Из полученных визуальных данных поисковых систем исключались изображения, состоящие преимущественно из текста (анонсы статей и публикаций), а также обложки электронных и печатных книг. Всего для анализа были отобраны 80 изображений «прошлого России», первые 20 визуализаций для каждого источника. Выборка формировалась до повторяемости получаемой информации, до момента, когда данные уже не генерировали новых сюжетов по соответствующему запросу.

## Результаты

Единицей анализа для всех типов данных являлись сюжеты или темы, изображенные на рисунках. Таким образом, для каждого источника была сформирована своя группа сюжетов прошлого России. Интерес представляют не только сами группы сюжетов, но также и их пересечения.

Обозначим множество сюжетов на рисунках информантов А, множество картинок, найденных в поисковых системах и сгенерированных нейросетью – В. Тогда множество В – это архив образов прошлого России или картинки, сгенерированные на основе этого архива. Пересечение этих множеств образует  $A \cap B$ , где находятся сюжеты прошлого России, актуализация которых связана с риском стереотипизации. Это темы, которые отражены в результатах поисковых запросов, встречаются на сгенерированных изображениях Midjourney и воспроизводятся информантами – «старая» память, которая не обновляется. Разность множеств  $B/A$  – сюжеты, которые присутствуют в так называемом архиве образов прошлого России, но не отражены в рисунках информантов. В этой области существует риск другого механизма потери качества памяти – «холостого хода». Это чрезмерная эксплуатация сюжетов, которая приводит к тому, что они более не находят отклика в мемориальной культуре – гражданском обращении с памятью. Разность множеств  $A/B$  – новые сюжеты прошлого России, которых еще нет в «архиве образов», темы, позволяющие сохранить память «живой». И по-

следнее –  $\overline{A \cup B}$ , сюжеты, находящиеся за пределами множеств А и В, темы прошлого России, не представленные в визуальных данных исследования.

Рассмотрим, какие сюжеты прошлого России представлены в множестве В, для каждого из источников. В рисунках, отображаемых в Яндекс, прошлое России – это город Москва или коллаж из сюжетов истории, деятелей культуры и других значимых фигур. Представлены такие сюжеты, как «церковь» (купола, кресты, икона, Георгий-Победоносец, священник), «Кремль», «памятник», «крестьяне» (телега, мужчины, женщины, дети), «природа» (река, поле), «война / армия / солдаты / богатыри» (танк, самолет, мечи, кольчуга, шлем, кони, мундир), «исторические деятели», «конкретные события» (Стрелецкий бунт), «архитектура» (дворцы, малоэтажная застройка), «царь» (царская семья), «космос» (Гагарин), «культура» (масленица, тройка лошадей, балет, цирк), «СССР» (рабочие, красное знамя, флаг).

В поисковых результатах Google встречаются государственные символы России, отсутствуют сюжеты «СССР», «крестьяне», «космос». Можно заметить более широкий репертуар «конкретных событий» прошлого. Также присутствует тема «семья и дети» и «Владимир Путин». Представлены такие сюжеты, как «церковь» (купола, кресты), «Кремль», «памятник», «природа» (река, лес), «война» (женщина в военной форме, пушки, кони, мундиры, мечи, воины, армия, ордена, погоны, винтовки), «исторические деятели», «конкретные события» (расстрел, Отечественная война 1812, Стрелецкий бунт, приглашение Рюрика на княжение), «царь», «архитектура» (деревянные здания, каменные стены), государственные символы (Двухглавый орел, звезда, триколор), «семья, дети», «культура» (матрешки), «Владимир Путин» (карикатура).

DuckDuckGO показывает не только город, но и деревню. В полученных результатах отсутствует тема «космоса», представленная Яндексом. Репертуар «конкретных событий» ограничен темой «блокады Ленинграда». Представлены такие сюжеты, как «церковь» (купола, кресты, святые), «Кремль», «памятник», «деревня» (деревянный дом, крестьяне), «природа» (трава, холмы, река, береза, лес), «война» (воины, щиты, кольчуга, шлем, княгиня), «исторические деятели», «конкретные события» (блокада Ленинграда), «царь», «архитектура» (дворцы), «культура» (гусли, танец, баянист, цветы, красный сарафан), «СССР» (рабочие, красный стол) паровоз, столовая, пионеры), государственная символика (герб СССР, РФ, Российской империи).

Нейросеть Midjourney обращается к городским сюжетам, изображению воинов. Представлены такие сюжеты, как «Кремль», «церковь» (купола, кресты), «война» (воины, знамена, кони, мечи, шлемы, винтовки), «природа» (лес, река), «архитектура» (деревянные дома, каменные дома, разрушенные дома), «конкретные события» (пожар в Москве).

Сюжеты, которые присутствуют в каждом из вышеперечисленных источников: «церковь», «Кремль», «природа», «архитектура», «война», «конкретные события». Темы, которые присутствуют только в одном из источников: «деревня», «семья, дети», «крестьяне», «космос», «Владимир Путин». Стоит отметить, что сюжеты «деревня» и «крестьяне» разделены, так как во втором случае крестьяне изображены на фоне города. Сюжеты, которые есть в каждой поисковой системе, но отсутствуют в рисунках Midjourney – «культура», «царь», «памятник», «исторические деятели». Темы «СССР» и «государственная символика» представлены в двух источниках.

Перейдем к множеству А, состоящему из рисунков информантов. Основные сюжеты рисунков представлены следующими группами: «церковь», «космос», «деревня», «царь», «СССР», «природа», «Постсоветская Россия». Кроме того, информанты рисовали конкретные события из истории России. Некоторые из интервьюируемых отразили образ прошлого в визуальной метафоре.

Тема «церкви» представлена в изображениях самого здания, деревянного или каменного, с куполами и крестами. На одном из рисунков изображен Георгий-Победоносец. Человек присутствует на изображении в образе героя или священника. В интервью информанты не выделяют определенного временного периода, которому соответствует рисунок, говоря о религии и вере в целом. Один из информантов рассуждает о власти, которой обладает церковь.

В рамках сюжета «космос» информанты рисуют космический корабль, окружённый звездами, планетой «Земля», Луной и Солнцем. Человек схематично изображен как «космонавт» или отсутствует на рисунке. Информанты отмечают, что первый полет человека в космос был значимым событием, а также рассуждают о важности освоения космоса для России в целом.

Тема «деревни» детализирована более других. На рисунках изображен один или несколько деревянных домов с баней, воротами, наличниками на окнах. Может присутствовать телега или сани,

запряженные лошадей, мужчина-извозчик в лаптях или в шапке-ушанке. Также некоторые из информантов нарисовали крестьян в поле за работой. Присутствуют люди обоих полов, взрослые и дети. Для некоторых информантов этот сюжет относится также к семейной памяти. Следующий сюжет – «природа». Информанты рисовали лес – ели или березы, животных и птиц, поля, реки. На одном из рисунков присутствует человек – это рыбак на лодке. Одна из тем рисунков содержит неоднозначные оценки информантов. «Царь» изображен на одном из рисунков в форме навозной кучи с короной, на другом – как часть страны наряду с народом. Также один из информантов изобразил расстрел царской семьи, где сам царь обезличен.

В рамках сюжета «СССР» информанты рисуют завод, советские плакаты, элементы быта – белье, которое сушится на веревке, интерьер советской квартиры, образ матери-одиночки, связанный с послевоенным периодом. Один из информантов нарисовал значимую для себя фигуру того времени – Виктора Цоя. Память об СССР для части информантов опирается на семейную память. Сюжет «Постсоветская Россия» включает в себя воспоминания о возможности участвовать в митингах и доверии к милиции. Это иллюстрации на тему свободы и безопасности. И, наконец, конкретные события, которые изобразили информанты: Великая Отечественная война 1941–1945, Отечественная война 1812 года, Разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации («Расстрел Белого дома»), приглашение Рюрика на княжение.

Некоторые информанты нарисовали прошлое России в метафоричной форме. Один из рисунков – дерево, стоящее на могилах, – связано с памятью рода, опорой на предков. Другой – двухглавый орел, падающий в пропасть, так как к его лапе привязан груз прошлого, – со слов информанта, отражает противоречивость прошлого России.

На пересечении множеств А и В ( $A \cap B$ ) находятся сюжеты: «церковь», «природа», «конкретные события», «царь», «СССР», «космос», «деревня». Это память, которая находится под риском «стереотипизации». Этот риск мы можем зафиксировать наиболее точно, любая выборка будет достаточной для выявления, так как необходимо хотя бы одно повторение сюжета. В большей степени подвержены этому механизму потери качества памяти темы «церковь» и «природа», так как они присутствуют в каждом из источников множества В. Далее в порядке уменьшения риска – тема «царь», затем «СССР». Наименее – «космос» и «деревня». Темы, представленные в этой группе, нуждаются в переосмыслении. Сюжет «конкретные события» исключен из анализа, так как при формировании выборки для ментальных карт не учитывалась повторяемость тем, отнесенных к категории «протяженности» Бергсона и выборка не является достаточной для сопоставления данных по этому сюжету.

Темы, присутствующие в разности множеств В/А, – «Кремль», «архитектура», «война», «культура», «памятник», «исторические деятели», «государственная символика», «крестьяне». Две темы из перечисленных частично присутствуют в сюжетах «деревня» и «конкретные события», нарисованных информантами. Оставшиеся – иллюстрируют риск «холостого хода». Это темы, которые эксплуатируются чрезмерно.

«Живая» память – разность множеств А/В, – это «постсоветская Россия». Воспоминания информантов о возможности участвовать в митингах и доверии к милиции. События недавнего прошлого, формирующие новую идентичность. Это та новая информация, которая представлена только в ментальных картах информантов.

## Заключение

Ментальные карты позволяют представить прошлое России и как «протяженность», и как «длительность». Информанты иллюстрируют прошлое, обращаясь к собирательным «образам» культуры повторения или конкретным событиям практик «не забывать о...». К категории «длительности» или культуре повторения относятся такие сюжеты, как «церковь», «космос», «деревня» и «природа». Это присутствие прошлого в настоящем, выраженное в социальных практиках. И, хотя П. Нора относит подобный опыт работы с прошлым к «истинной» памяти, среди этих сюжетов тоже существуют риски потери качества памяти. Для всех тем данной группы – это риск стереотипизации. Данные образы прошлого нуждаются в адаптации к настоящему посредством новых репрезентаций. В большей степени это касается сюжетов «церковь» и «природа», представленных «в общем», в меньшей степени – «космос» и «деревня», которые информанты также связывают с личной или семейной памятью. Память остается более живой, опираясь на воспоминания старших родственников о жизни в деревне или рассказах современников о полетах в космос.

Для протяженности или практик «не забывать о» под риском стереотипизации находятся темы «СССР» и «царь». Период СССР для информантов – это сфера производства, советский быт, статус «мать-одиночка» и фигура Виктора Цоя. Для результатов поисковых запросов в Яндекс и DuckDuckGo – это пионеры, Сталин, Ленин, сфера производства, советская столовая. Таким образом, под риском находится репрезентация СССР как периода развития сферы производства. Дореволюционная Россия на ментальных картах представлена в образе царя, который показан обезличено и неоднозначно. Это абстрактная фигура, существующая наряду с «народом», тогда как в результатах поисковых систем – это конкретные исторические личности. Несмотря на идентичные темы, подлинного повторения среди рисунков информантов и картинок поисковых систем нет. Данная тема остается живой и находится в процессе переосмысления жителями России.

Следующий период «протяженности» – «Постсоветская Россия», – представляет собой те самые «новые данные» о прошлом России, которые были получены в ходе исследования и представлены в рисунках «митингов» и «милиции».

Рекомендации по сохранению качества памяти включают в себя четыре аспекта: поиск новых репрезентаций, сохранение интереса, забвение и работу с прошлым. Поиск новых репрезентаций необходим сюжетам «церковь» и «природа». Сохранение интереса – темам «космоса» и «деревни», собирательному образу «царя» и репрезентациям периода СССР в формате советского быта, статуса «мать-одиночка». Забвение как стратегия сохранения качества памяти касается репрезентации СССР как периода, где внимание уделялось сфере производства. Также данная стратегия эффективна для преодоления механизма «холостого хода», который затронул темы «Кремль», «архитектура», «война», «культура», «памятник», «исторические деятели», «государственная символика». Это сюжеты, фокус с которых необходимо снять для сохранения качества памяти. И, наконец, работа с прошлым касается темы «Постсоветской России», которая является новой интерпретацией прошлого и еще не получила исчерпывающего количества репрезентаций.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика/пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас, 2005. №2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Проблематика мест памяти. 1999. С. 17–50.
5. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). 728 с.
6. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Берксонизм. Спиноза: пер. с франц. 2001. 480 с.
7. Bailey J., McAtee D. «Another way of telling»: The use of visual methods in research, International Employment Relations Review, 2003., vol 9, issue 1. 45–60.
8. Gauntlett D., Holzwarth P. Creative and visual methods for exploring identities. Visual Studies, 2006. 21:1.82–91.
9. Стрельникова А.В. Особенности применения опросных методик в изучении городской проблематики // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 3(65). С. 239–255.
10. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2010. № 31. С. 2–29.
11. Берендеев М.В., Белецкая Т.В. Ментальное картирование как инструмент анализа символического капитала территории в практиках геобрендинга (на примере г. Калининграда) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4(42). С. 7–19.
12. Естрина О.В. Ментальные карты как метод исследования городского пространства // Primo Aspectu. 2018. № 1(33). С. 42–47.
13. Результаты всероссийского исследования «Социология образа будущего – 2033: нарисованная собой Россия». URL: <https://cleverrussia.ru/Future2033.pdf> (дата обращения: 31.07.2024).
14. Бондаренко В.Г., Иванова А.П. Образы Родины, сгенерированные нейросетью // Культура и наука Дальнего Востока. 2023. № 1(34). С. 119–122.

Поступила в редакцию 02.10.2024  
Передана на рецензирование 03.10.2024  
Рекомендована к печати 15.10.2024

Рубцова Валентина Юрьевна, младший научный сотрудник  
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук  
620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16  
E-mail: povelitel.kotov@gmail.com

*V. Yu. Rubtsova*

## MENTAL MAPS OF RUSSIA'S PAST: ARE WE RECEIVING NEW DATA?

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-4-459-466

The article describes the experience of using the method of mental maps in memory studies. The possibilities and limitations of visual methods for studying collective memory are shown. The results of a study of Russian residents' ideas about the past, obtained using the method of mental maps and a semi-formalized interview, are presented. The drawings of the «past of Russia» are grouped by plots and described as the categories of «extension» and «duration» of A. Bergson. The mechanisms of loss and preservation of the quality of memory identified by A. Assman are considered. The novelty of visual data is described in comparison with search queries in Yandex, Google, DuckDuckGo and pictures obtained by the query «the past of Russia» for the Midjourney neural network. A comparison of «places of memory and oblivion» in the visual data of informants, search engines and the Midjourney neural network is carried out. The correspondence between the mechanisms of loss of memory quality and the variants of intersection of different types of visual data is described. The risks of loss of memory quality and the accompanying dissatisfaction with the memorial culture are identified. Strategies for preserving the quality of memory are highlighted using the obtained stories of Russia's past as an example.

*Keywords:* visual methods, neural networks, culture of memory, Russia's past, places of memory, mental maps, collective memory.

## REFERENCES

1. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika/per. s nem. Borisa Xlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 s. (In Russ).
2. Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 s. (In Russ).
3. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Neprikosnovenny'j zapas, 2005. №2-3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrashheniya: 31.01.2024). (In Russ).
4. Nora P. Ozuf M., Zh. de Pyuimezh, Vinok M. Problematika mest pamyati, 1999, s. 17-50. (In Russ).
5. Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabvenie / Per. s francz. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury', 2004 (Franczuskaya filosofiya XX veka). 728 s. (In Russ).
6. Delez Zh. E'mpirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyax. Berksonizm. Spinoza: per. s francz. 2001. 480 s. (In Russ).
7. Bailey J., McAtee D. «Another way of telling»: The use of visual methods in research, International Employment Relations Review, 2003., vol 9, issue 1. 45-60.
8. Gauntlett D., Holzwarth, P. Creative and visual methods for exploring identities, Visual Studies, 2006., 21:1, 82-91
9. Strel'nikova A.V. Osobennosti primeneniya oprosny'x metodik v izuchenii gorodskoj problematiki / A. V. Strel'nikova // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie. 2011. № 3(65). S. 239-255. EDN NUAAIX. (In Russ).
10. Veselkova N.V. Mental'ny'e karty' goroda: voprosy' metodologii i praktika ispol'zovaniya // Sociologiya: metodologiya, metody', matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya:4M). 2010. № 31. S. 2-29. (In Russ).
11. Berendeev M.V. Mental'noe kartirovanie kak instrument analiza simvolicheskogo kapitala territorii v praktikax geobrendinga(na primere G. Kaliningrada) / M. V. Berendeev, T. V. Belecckaya // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2021. № 4(42). S. 7-19. (In Russ).
12. Estrina O.V. Mental'ny'e karty' kak metod issledovaniya gorodskogo prostranstva / O. V. Estrina // Primo Aspectu. 2018. № 1(33). S. 42-47. (In Russ).
13. Rezul'taty' vserrussijskogo issledovaniya «Sociologiya obraza budushhego-2033: narisovannaya soboj Rossiya». – URL: <https://cleverussia.ru/Future2033.pdf> (data obrashheniya: 31.07.2024). (In Russ).
14. Bondarenko V.G. Obrazy' Rodiny', sgenerirovanny'e nejroset'yu / V.G. Bondarenko, A.P. Ivanova // Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka. 2023. № 1(34). S. 119-122. (In Russ).

**For citation:**

Rubtsova V.Yu. Mental maps of Russia's past: are we receiving new data? // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2024. Vol. 8, iss. 4. P. 459–466. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-4-459-466> (In Russ.).

Received October 02, 2024

Submitted for review on October 03, 2024

Recommended for publication August 15, 2024

Rubtsova V.Yu., Junior Researcher

Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Sof'i Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108

E-mail: [povelitel.kotov@gmail.com](mailto:povelitel.kotov@gmail.com)